

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ И КОРЕИ
В ДОКУМЕНТАХ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Санкт-Петербург
ГИПЕРИОН
2015

Намѣстникъ Его Императорскаго Величества
и главнокомандующій всѣми военно-сухопутными и морскими силами на Дальнемъ Востокѣ, генералъ-адъютантъ
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧЪ АЛЕКСѢЕВЪ.

АДМИРАЛ Е.И. АЛЕКСЕЕВ

Адмирал Евгений Иванович Алексеев, наверное, одна из самых противоречивых фигур в российской истории конца XIX — начала XX в. Притом, что отзывы о его личных достоинствах и оценки профессиональной деятельности самые различные и порой неподобающие, этот человек на рубеже веков сыграл очень заметную роль как в деятельности Морского ведомства, так и во внешней политике России.

Большая часть оценок деятельности адмирала негативна. Причем это нашло отражение не только в работах историков, но и в воспоминаниях некоторых его современников.

Самым ярым и последовательным недоброжелателем Е.И. Алексеева стал граф Сергей Юльевич Витте. Характеризуя в своих воспоминаниях деятельность адмирала на дипломатическом поприще, он пишет: «Ни Америка, ни Англия, ни Япония, ни все их союзники, явные или тайные, ни Китай никогда не согласились бы нам дать Маньчжурию, а потому, держась убеждения, что так или иначе, а нужно захватить всю Маньчжурию, устраниТЬ войну было невозможно. Этого не понимал барон Розен (посланник в Японии. — С. Ч.), а потому и не представлялся удобным дипломатом для ведения переговоров в такое критическое время с Японией, в особенности под руководством, в сущности, по уму хитрого армяшки, как Алексеев (адмирал армянин по матери. — С. Ч.) Само собою разумеется, что, характеризуя так Алексеева, я не хочу обидеть этим армян, ибо действительно сравнение натуры всех армян с низенькой натурой Алексеева для них было бы обидно. Я хочу сказать, что Алексеев по натуре мелкий и нечестный торговец, а не государственный дипломат».

А вот еще: «Главнокомандующим армией был назначен Алексеев, наместник на Дальнем Востоке; он мог быть таким же главнокомандующим, как и я, никогда он воином не бывал, дел с сухопутными войсками не имел

и сделал свою морскую карьеру более своей дипломатичностью, нежели морской службой».

Оговоримся, что здесь Витте, мягко говоря, погрешил против истины, дав волю эмоциям. Виной тому неприязненные личные отношения министра с Е.И. Алексеевым.

Тем не менее и некоторые другие известные деятели того времени не слишком лестно отзывались об адмирале. «Алексеев — это злой демон России. А царь за него держится, не хочет лишать своего доверия. А что с Россией будет, это ему все равно», — писал летом 1904 г. в своем дневнике известный русский просветитель А.С. Суворин.

Государь Николай II, хотя и был осведомлен о негативном отношении некоторых общественных и политических деятелей к Алексееву, действительно с большой симпатией и доверием относился к адмиралу, чему есть немало свидетельств. Вот одно из них, относящееся к 1911 г., когда из-за политических неурядиц между Государственной думой и морским министерством возник вопрос о смене морского министра: «Я знаю только одного адмирала, который нашел бы общий язык с думой — это Алексеев, но, к сожалению, общественное мнение слишком против него, хотя он, ни в чем не виноват».

А вот впечатления от встречи с Е.И. Алексеевым во время поездки в Маньчжурию в 1904 г., записанные генералом А.А. Игнатьевым в его книге воспоминаний «Пятьдесят лет в строю»: «После краткого нашего ожидания в роскошном салон-вагоне к нам вышел сам наместник, коренастый человек лет пятидесяти, с черной, слегка седеющей и тщательно подстриженной бородой и темными хитрыми глазами. Он носил черный морской сюртук с золотыми погонами, на которых были вышиты три черных орла и вензель Николая II, что соответствовало чину полного адмирала и званию генерал-адъютанта ... Решительный тон наместника нам понравился, а меня лично даже не удивила его резкая критика петербургских распоряжений — слишком привык я с детства слышать от отца о нелепостях, исходивших из министерских канцелярий. Быть может, эта независимость адмирала Алексеева объяснялась еще его происхождением: упорно говорили, что он был побочным сыном Александра II и, следовательно, братом Александра III».

Возможно, последнее обстоятельство, а не только личные качества адмирала наложило негативный отпечаток на жизнь и деятельность Е.И. Алексеева. Подобные слухи, тем более официально не подтвержденные, зачастую не помогают, а, наоборот, мешают строить нормальные отношения с людьми, в том числе с начальниками и подчиненными. Неопровергимых данных, подтверждающих родство адмирала с императорской фамилией, мы нигде не обнаружили. В пользу этого может говорить лишь определенное внешнее сходство

Алексеева с государем Александром II. Официально же его отцом был отставной капитан-лейтенант Иван Максимович Алексеев (1796–1849), служивший до своей отставки в 1832 г. на Каспийском море.

Необходимо отметить, что современные военные историки, на наш взгляд, более объективно и взвешенно оценивают личность и деятельность Е.И. Алексеева, нежели его современники.

Одним словом, сведения об адмирале дошли до нас весьма противоречивые и зачастую малодостоверные. Часто люди, знавшие Е.И. Алексеева, поддавались излишним эмоциям, а следовательно, не могли объективно оценивать деятельность этого незаурядного человека. Односторонность этих негативных суждений мы и попытаемся оспорить и исправить.

Прежде необходимо кратко рассказать о жизненном пути будущего наместника на Дальнем Востоке до его назначения в 1899–1905 гг. на самые высокие посты в вооруженных силах и государстве.

Будущий адмирал родился 4 мая 1843 г. Официально — в семье военно-морского офицера И.М. Алексеева, по слухам — был внебрачным сыном государя Александра II, что будто бы и обеспечило ему блестящую и стремительную карьеру. Однако даже краткое ознакомление с биографией Алексеева наглядно показывает, что о какой-то неоправданно «бешеной» карьере и исключительно безмятежных и комфортных условиях службы нашего героя говорить не приходится.

В августе 1856 г. тринацати лет от роду Алексеев поступил в Морской корпус, который окончил в 1863 г., после чего на борту корвета «Варяг» отправился в свое первое кругосветное плавание, где был произведен сначала в гардемарины, а в 1865 г. в мичманы.

В 1867 г. «за отличие» он получил лейтенантский чин и в 1869 г. отправился в очередное дальнее плавание в Средиземное море под флагом контр-адмирала Г.И. Бутакова на борту клипера «Яхонт». Поход продолжался до 1871 г., а в 1872–1877 гг. Алексеев снова в заграничном плавании по Средиземному морю и Атлантическому океану. Вот такая вот «легкая и безмятежная» служба, если еще учесть, что плавание на парусных военных кораблях, тем более небольшого водоизмещения, удовольствие ниже среднего, поскольку тамошние бытовые условия оставляли желать лучшего.

В марте 1878 г. Алексеев был назначен старшим офицером батареи «Кремль», а в 1880–1883 гг., командуя крейсером «Африка», совершил еще одно кругосветное плавание. В 1883 г. он был произведен в капитаны 2 ранга и отправился во Францию для наблюдения за постройкой крейсера «Адмирал Корнилов», командиром которого был назначен в 1886 г. Тогда же получил чин капитана 1 ранга. Во Франции Е.И. Алексеев исполнял должность морского агента, передавая на родину большое количество ценных сведений о состоянии французского флота.

В 1889–1891 гг., командуя крейсером «Адмирал Корнилов», совершил очередное кругосветное плавание. В 1892 г. был произведен в контр-адмиралы и назначен на должность помощника Начальника Главного Морского штаба. В январе 1895 г. контр-адмирал Алексеев был назначен начальником эскадры Тихого океана, а весной 1897 г. произведен в вице-адмиралы и направлен на Черноморский флот. В августе 1899 г. он вновь вернулся на Тихий океан в должности главного начальника и командующего войсками Квантунской области и морскими силами. Наступил его звездный час...

Одно перечисление дальних плаваний говорит о том, что штабным, или, как говорили, «паркетным», моряком Е.И. Алексеев не был. Большую часть своей флотской службы он провел на боевых кораблях, что, безусловно, делает Евгению Ивановичу честь и опровергает измышления недоброжелателей о том, что он «сделал морскую карьеру более своей дипломатичностью, нежели морской службой».

В 1895 г. возникла серьезная напряженность в отношениях между Россией и Японией, не исключавшая начала войны. В связи с этим помимо прочего остро встал вопрос об обеспечении базирования русского флота на Тихом океане. Летом 1895 года адмирал Алексеев, командовавший эскадрой Тихого океана, на флагманском крейсере «Владимир Мономах» посетил несколько китайских и корейских портов, определив самым удобным для базирования на случай войны китайский Циндао (Киао-Чао).

К началу 1896 г. у русских моряков появилась реальная возможность получить для базирования кораблей один из незамерзающих портов Кореи, которая после жестокого убийства японцами королевы Мин (1851–1895) начала склоняться в сторону России. Количество русских кораблей-стационаров в корейских портах увеличилось. Пользуясь благоприятной обстановкой, Алексеев предложил приобрести у Кореи остров Каргадо, где можно было оборудовать пункт базирования для русского флота. Правда, вопрос этот так и не был окончательно решен, но оборона корейского побережья стала фактически задачей русского флота. Все это говорит об умении адмирала не только грамотно руководить эскадрой, но и успешно решать дипломатические вопросы. Поэтому неудивительно, что в 1899 г., когда понадобился опытный человек для управления делами в арендованной у Китая Квантунской области, выбор пал на вице-адмирала Е.И. Алексеева. Он был высочайше назначен главным начальником области, а также командующим сухопутными и морскими силами. Таким образом, вся гражданская и военная власть сосредоточилась в одних руках, что было исключительно важно в условиях обострившейся в регионе обстановки. В декабре 1899 г. Алексеев прибыл в Порт-Артур — новую русскую военно-морскую базу.

Первым делом адмирал попытался усилить позиции России в Корее, закрепившись на архипелаге Каргадо, а в районе Мозампо оборудовать для флота

угольный склад, а позже и пункт базирования. Это позволило бы отчасти обезопасить в случае войны коммуникацию Владивосток — Порт-Артур. Но задуманное не удалось довести до логического конца, поскольку в Китае вспыхнуло Ихэтуаньское (Боксерское) восстание.

Общей целью повстанцев было изгнание из страны иностранцев, а их отдельные группы предполагали свержение правящей династии Цин. Как и любое стихийное народное движение, Ихэтуаньское восстание породило грабежи и разбои. Нападения и убийства иностранцев, преимущественно христиан, стали повседневным явлением. Положение усугубило то, что лидеры восставших по договоренности с правительством Цинской империи отказались от антиправительственных лозунгов и провозгласили своей главной задачей «изгнание из Китая чужеземцев».

Обстановка крайне обострилась весной 1900 г. На севере Китая повстанцы сожгли школу и храм русской православной миссии. В Мукдене произошла череда убийств иностранцев и китайцев-христиан. Начались поджоги и погромы и в других городах. В сложившейся обстановке оставалась надежда на последний аргумент — силовое вмешательство, и Россия начала наращивать свое военное присутствие в Китае.

В мае 1900 г. пришла пора действовать и флот. Вице-адмирал Е.И. Алексеев докладывал военному министру генералу А.Н. Куропаткину: «В виду волнений в Пекине, вероятно, представляется необходимость по требованию посланника, выслать судовые десанты...»

Примечательно, что одним из наших союзников в этой войне стала Япония, с которой России предстояло вступить в вооруженную борьбу всего через четыре года, причем тоже на территории Китая. Помимо Японии и России в военных действиях в Китае приняли участие Франция, Германия, США, Великобритания, Италия и Австро-Венгрия. Понятно, что цели и задачи у каждого участника были разные, зачастую взаимоисключающие.

Крупнейшей и ключевой операцией военной кампании 1900 г. стало взятие союзниками фортов Дагу (Таку), проведенное совместными действиями военно-морских сил и сухопутных войск. Для успешного ведения боевых действий необходимо было установить полный контроль над устьем реки Байхэ (Пейхо), откуда начинался путь на Тяньцзинь и Пекин. Это стало особенно очевидным, когда китайское правительство запретило ввод в столицу иностранных войск. Командующий морскими силами на Тихом океане вице-адмирал Е.И. Алексеев предложил начальнику Тихоокеанской эскадры вице-адмиралу Я.А. Гильтебранду совместно с союзниками занять укрепления Дагу, контролировавшие вход в Байхэ.

В ночь на 4 июля 1900 г. форты Дагу были взяты штурмом, основная тяжесть которого легла на плечи русских моряков. Китайский флот участия

в бою не принял. В устье реки была захвачена при отходе китайская миноноска, а еще четыре миноносца были брошены своими командами у пристани. Войска генерала Не Шичена подошли к фортам, но участия в бою не приняли и отступили. Со стороны моря открыла огонь лишь одна китайская баржа, но и та вскоре была уничтожена.

Китайцы понесли большие потери. Комендант крепости Дагу Ло Юнгуан покончил с собой. Китайские корабли были разоружены, и по приказанию Е.И. Алексеева организована система обороны рейда.

После объявления Китаем войны союзникам, в том числе и России, Е.И. Алексеев был назначен командующим вооруженными силами на Печелийском театре военных действий. Под его руководством укрепилась оборона Квантунского полуострова, отрезанного восставшими от Маньчжурии и КВЖД (Китайско-восточной железной дороги). Направленный по приказанию адмирала в Инкоу русский десант сумел удержать этот важный для русских порт. Уже на следующий день после штурма в город прибыл Е.И. Алексеев и успешно организовал здесь гражданское и военное управление.

В сентябре 1900 г. адмирал лично руководил успешным штурмом крепости Бейтан, прикрывавшей Пекин со стороны Тяньцзыня, а также наступлением русских войск в Южной Маньчжурии. К концу 1900 г. Маньчжурия была полностью освобождена от противника.

Очевидно, что во время боевых действий в Китае Е.И. Алексеев зарекомендовал себя самым лучшим образом, и вряд ли кто-то на его месте действовал бы более грамотно и эффективно. Так что, вопреки расхожему мнению, опыт командования сухопутными войсками у адмирала тоже был, и весьма успешный. За грамотное и эффективное руководство войсками и флотом во время подавления Ихэтуаньского восстания вице-адмирал Е.И. Алексеев был награжден орденом Белого Орла с мечами, золотым оружием с бриллиантами и надписью: «Таку, Тянь-Цзынь, Пекин 1900 г.». Кроме того, французским орденом Почетного легиона большого офицерского креста, прусским орденом Красного орла 1-й степени с мечами, бельгийским орденом Леопольда большого креста, а в мае 1901 г. пожалован в генерал-адъютанты. Такое обилие отличий и наград — свидетельство несомненных заслуг адмирала перед Отечеством.

После завершения боевых действий Е.И. Алексеев приступил к укреплению завоеванных Россией позиций. По его предложению и при непосредственном участии началось усиление военно-морского флота и укрепление обороны Квантунского полуострова. Поскольку оставалась опасность войны с Японией, адмирал проводил вполне лояльную и умеренную политику в отношении китайских властей.

Во всей Квантунской области не было такой проблемы, которой не занимался бы командующий. Это и увеличение количества береговых батарей,

и расширение артурского порта, строительство города и военно-морской базы, гидрографические и дноуглубительные работы. Его беспокоила буквально любая мелочь, вплоть до издания газет, лечения различных заболеваний и наличия книг в библиотеках. Благодаря неиссякаемой энергии Алексеева в кратчайшие сроки Порт-Артур из неприметного китайского городка превратился в современный для той эпохи, комфортабельный и не лишенный определенного флотского лоска город. Конечно, не все из запланированного к началу войны с Японией удалось сделать, но и достигнуто за такой короткий срок было немало. В этом несомненная заслуга адмирала, недаром даже не жаловавший Е.И. Алексеева своим расположением военный министр А.Н. Куропаткин называл его «добрый гением Порт-Артура».

Самые большие нарекания вызывала у современников внешнеполитическая деятельность Е.И. Алексеева. К началу XX в. у императорского трона сложились две конкурирующие политические группировки. Одну возглавлял статс-секретарь А.М. Безобразов (1855–1931), сторонник самых решительных и жестких мер в отношениях с Японией, настаивавший на приобретении концессий в Корее на реке Ялу. Вторую — влиятельный министр финансов С.Ю. Витте (1849–1915), занимавший более умеренную позицию в дальневосточных делах и полагавший ограничить интересы России северной частью Маньчжурии. Император Николай II отдал предпочтение группе Безобразова, поддержав план постепенного «мирного завоевания Кореи» с целью не допустить туда Японию.

После некоторых колебаний Е.И. Алексеев решил примкнуть к более агрессивным и решительным «безобразовцам», за что подвергся жесточайшей критике в либеральных российских кругах. Для такого решения у адмирала были вполне объяснимые причины. Он отлично понимал, что в случае войны с Японией, а она уже казалась неизбежной, главной ударной силой на театре военных действий станет флот. Для его усиления необходимо было финансирование, которое неизменно урезалось Министерством финансов, возглавляемым Витте. В сложившейся ситуации адмирал решил опереться на близких к трону «безобразовцев», которые, пользуясь своим влиянием, могли, по его мнению, оказать необходимую поддержку флоту.

Помимо этих, несомненно, благих целей не следует забывать и о карьерных соображениях, которых адмирал был не чужд. При поддержке влиятельных союзников Е.И. Алексеев получил чин полного адмирала и генерал-адъютантские аксельбанты. Апофеозом карьерного взлета стало его назначение наместником императора на Дальнем Востоке. В высочайшем указе от 30 июля 1903 г. говорилось о присвоении Алексееву «высшей власти по всем частям гражданского управления в крае». Отныне адмирал подчинялся лишь государю императору, перед ним и отчитывался. Есть сведения о том, что сам Алексеев не был

сторонником наместничества, но, как и подобает верноподданному и человеку военному, подчинился воле Николая II.

Адмирал оказался не прост. Сразу после высокого назначения он дал понять «безобразовцам», что не намерен поддерживать их авантюристические планы в отношении экономической экспансии в Корее. Это привело к охлаждению в отношениях с влиятельными политиками. Управлять таким решительным и самостоятельным человеком было непросто.

Наместник явно тяготел к жесткой политике в отношениях с Японией. Он был сторонником продления сроков оккупации русскими войсками Маньчжурии, усиления военных, политических и экономических позиций России в регионе и предотвращения оккупации Кореи Японией. Нужно признать, что неуступчивость адмирала во внешнеполитических вопросах сыграла негативную роль в обострении отношений России не только с Японией, но и с Китаем.

Осенью 1903 г., видя явное отставание России в приготовлении к войне на Дальнем Востоке, Е.И. Алексеев предлагает флоту «идти к Сасебо и отыскать неприятеля для нанесения ему второго Синопа», т. е. нанести по Японии превентивный удар. Непонятно, была ли это пустая бравада или серьезная попытка повлиять на сложившуюся обстановку, но в этом предложении просматривается явная недооценка сил вероятного противника.

В декабре 1903 г. наместник обратился к императору с просьбой объявить в Сибири и на Дальнем Востоке мобилизацию, в Маньчжурии, Владивостоке и Порт-Артуре ввести военное положение и выдвинуть войска на рубеж реки Ялу. В январе государь утвердил план, предложенный Е.И. Алексеевым. Адмирал продолжает настойчиво требовать усиления флота, торопя прибытие из Кронштадта отряда кораблей под командованием контр-адмирала А.А. Вирениуса, добивается дополнительных ассигнований, пополнения корабельного и личного состава.

24 января 1904 г. Япония разорвала дипломатические отношения с Россией. Наместник, дезориентированный противоречивыми указаниями из столицы, допускает ряд промахов. Адмирал не предпринимает решительных мер по защите кораблей на внешнем порт-артурском рейде, своевременно не отдает приказ об отзыве находящихся в Чемульпо русских стационеров — крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», откладывает выход для разведки обстановки отряда крейсеров. Как следствие, вина за неудачное для России начало войны с Японией ложится в определенной мере на Е.И. Алексеева. Положение усугублялось тем, что наместнику, назначенному с началом боевых действий главнокомандующим, были подчинены неприязненно к нему относившиеся и во многом адмирала не поддерживавшие командующий Тихоокеанским флотом вице-адмирал С.О. Макаров и командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин.

Несмотря на непростые отношения, сложившиеся между наместником и командующим флотом, Е.И. Алексеев во многом поддерживал С.О. Макарова и всемерно содействовал ему в повышении боеготовности флота и укреплении обороноспособности Порт-Артура. Весной 1904 г., после трагической гибели С.О. Макарова главнокомандующий прибыл в Порт-Артур и принял на себя командование флотом.

Вопреки сложившемуся мнению о том, что с прибытием адмирала на флот боевая деятельность моряков прекратилась, отметим, что на первых порах продолжалось ежедневное траление рейда, успешно отражались атаки японских брандеров, осуществлялись минные постановки, укреплялась сухопутная оборона крепости. Правда, выходы в море эскадренных броненосцев прекратились. Оправданием этому был продолжавшийся ремонт поврежденных кораблей.

Вскоре в связи с угрозой блокады Порт-Артура с суши адмирал Е.И. Алексеев вынужден был уехать в Мукден, откуда имел возможность управлять всеми вверенными ему морскими и сухопутными силами. Командующим эскадрой в Порт-Артуре был оставлен младший флагман контр-адмирал В.К. Витгефт. Это был грамотный, опытный, много прослуживший на флоте офицер, пользовавшийся заслуженным авторитетом и уважением. При этом отличный штабной работник. Однако этого для командования эскадрой в бою было недостаточно. Адмирал в кругу подчиненных сам признавался: «Жду от вас, господа, не только содействия, но и совета. Я — не флотоводец». Что верно, то верно. Флотоводцем Витгефтом действительно не был. Попытка, предпринятая командующим эскадрой летом 1904 г. прорваться с кораблями во Владивосток, потерпела неудачу, а сам Витгефт погиб в бою.

Тем временем обстановка в Маньчжурии и на Квантунском полуострове все больше осложнялась. Русская армия терпела поражения, флот был блокирован в Порт-Артуре и нес потери, вера в успешное для России окончание войны начинала покидать наместника. Осенью 1904 г. он просит государя об отставке с поста главнокомандующего. В октябре Николай II удовлетворил просьбу адмирала, записав в дневнике, что такое непростое решение дилось ему тяжело. Новым главнокомандующим становится А.Н. Коропаткин, а Е.И. Алексеев остается на посту наместника до 1905 г., т. е. до упразднения этой должности.

Поражение России в Русско-японской войне (1904—1905) положило конец политической карьере Е.И. Алексеева. Надо полагать, что если бы исход войны был иным, все было бы наоборот и вряд ли кто-либо вспомнил о просчетах адмирала в начале боевых действий. Тем не менее, Евгений Иванович был награжден орденом Св. Георгия III ст., а его кандидатура рассматривалась при назначении на пост морского министра. Однако неблагоприятное для адмирала общественное мнение и неприязненное к нему отношение назначенного главой

правительства С.Ю. Витте не позволили ему занять этот пост. До конца своих дней Е.И. Алексеев продолжал сохранять доверие императора, но влиятельных военных и политических постов уже более не занимал. Его назначают на почетные, но малозначимые должности в Адмиралтейств-совете и Государственной думе, но серьезных политических вопросов он уже не решает.

В отставку адмирал Е.И. Алексеев вышел в апреле 1917 г. и в мае того же года скончался в крымском городе Ялте.

Если непредвзято проанализировать весь жизненный путь адмирала Е.И. Алексеева, можно прийти к выводу, что вопреки устоявшемуся в определенных кругах мнению он был человеком весьма незаурядным, принесшим на тех постах, которые занимал, несомненную пользу Отечеству. Конечно, как и любой из нас, адмирал не был лишен недостатков, а его многогранная деятельность была не без изъянов, но, как говорится, не совершают ошибок лишь тот, кто ничего не делает. А уж в бездеятельности Е.И. Алексеева обвинить никак нельзя. Человек волевой и энергичный, настоящий патриот, душой болеющий за порученное ему дело, он стал одним из самых заметных флотских военачальников и политических деятелей конца XIX — начала XX в.

Директор Российской государственного архива
Военно-Морского Флота
С.В. Чернявский